

N 49
174

77

СВИСЛОЧСКАЯ СМУТА

подпису

(Разъясненіе крестьянина Малиновскаго на основаніи документовъ).

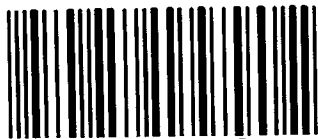

4031-12818

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

1880

(Извлечено изъ № 48 «Церковнаго Вѣстника»).

2007042023

49
174

СВИСЛОЧСКАЯ СМУТА

(Разъясненія по дѣлу крестьянина Малиновскаго на основаніи документовъ (*).

Мы прочитали, изучили, насколько могли, подлинное дѣло литовской духовной консисторіи о крестьянахъ, совратившихся въ латинство, въ томъ числѣ и о крестьянинѣ Малиновскомъ (**), и спѣшимъ передать читателямъ «Церковнаго Вѣстника» главнѣйшія данныя, извлеченныя нами изъ него. Мы не могли оторваться отъ этого въ высшей степени замѣчательнаго памятника. Передъ нами проносились то яркія, законченныя, то едва намѣченныя, или почти совсѣмъ затер-

(*) Обращаемся къ читателямъ съ покорнѣйшею просьбой удержаться при чтеніи этой статьи, хотя на время, отъ сужденій о нашихъ личныхъ мнѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду ни оправдывать, ни доказывать какія бы то ни было насилія въ дѣлѣ вѣры. Мы просто пишемъ здѣсь на основаніи документовъ хронику страстной религіозной борьбы въ одной изъ самыхъ глухихъ мѣстностей западной Россіи,—мѣстности, бывшей однако не разъ укромнымъ уголкомъ для польской смуты. Справедливость требуетъ сказать, что и теперь эта мѣстность очень удачно выбрана смутотворцами.

(**) По архиву литовской духовной консисторіи № 191, по 4 столу № 18.

тыя опытною рукою картины близко знакомыхъ намъ нравовъ и даже образы нѣкоторыхъ, лично намъ знакомыхъ людей. Мы не сомнѣваемся, что будущій историкъ современнаго состоянія западной Россіи сразу выдвинетъ это дѣло на видное мѣсто въ ряду другихъ памятниковъ. Не сомнѣваемся также, что и многіе читатели «Церковнаго Вѣстника» безъ утомленія пройдутъ съ нами по извилинамъ западно-русской жизни, начерченнымъ въ этомъ дѣлѣ, — извилинамъ, любопытнымъ для насъ — постороннихъ зрителей, и очень дорого стоившимъ для многихъ, въ дѣйствительности проходившихъ по нимъ на мѣстѣ.

Мы изложимъ это дѣло въ его, такъ сказать, историческомъ развитіи, съ важнѣйшими его осложненіями и неожиданными эпизодами, нерѣдко чисто драматическаго свойства. Но прежде этого мы должны сказать нѣсколько словъ о главнѣйшемъ лицѣ въ этомъ дѣлѣ, — священникѣ Гомолицкимъ, на которомъ защитникъ крестьянина Малиновскаго г. Спасовичъ сосредоточилъ самые сильные удары своего краснорѣчія и своей адвокатской опытности. Другое главное лицо, даже самое главное, если угодно, — крестьянинъ Малиновскій, о которомъ мы будемъ высказывать каждое слово съ опасеніемъ увеличить хотя на малѣйшую долю его вольное или невольное несчастіе, пусть выступаетъ самъ.

Въ нашемъ опроверженіи передовой статьи (№ 127) «Церковно-Общественнаго Вѣстника», мы между прочимъ сказали:

«Онъ (г. Спасовичъ) приводитъ изъ показаній этого священника ссылку на интриги латинянъ. Когда я прочиталъ это мѣсто рѣчи г. Спасовича, то остановился въ великомъ недоумѣніи:

такъ ли дѣйствительно священникъ Гомолицкій не далекъ и не свѣдущъ, что ограничился въ своихъ показаніяхъ однимъ общимъ мѣстомъ касательно интригъ латинства, или въ его показаніи есть разныя подробности, не взятая изъ дѣла г. Спасовичемъ? Предполагая даже первое, я опять недоумѣвалъ, неужели г. Спасовичу, даже помимо судебного дѣла Малиновскаго, неизвѣстны эти подробности?»

Теперь, на основаніи дѣла о совратившихся въ латинство, я обязанъ прежде всего вывести священника Гомолицкаго изъ положенія недалекаго и несвѣдущаго человека касательно латинскихъ интригъ; обязанъ также вывести и г. Спасовича изъ представленнаго ему мною болѣе удобнаго положенія — присяжнаго, не нашедшаго въ дѣлѣ нужныхъ подробностей этого рода, и предоставить ему самому занять какое-либо другое положеніе, едва-ли столь-же выгодное.

Я не знаю лично священника Александра Гомолицкаго и не могу судить, въ какой мѣрѣ онъ самъ заслужилъ обрुшившіяся на него невзгоды; но что касается его знанія и твердости въ разѣ занятомъ положеніи ратоборца за православіе, то его собственноручныя бумаги, находящіяся въ этомъ дѣлѣ, даютъ ему неотъемлемое право на великое вниманіе и глубокое уваженіе. Онъ основательно знаетъ свое дѣло, понимаетъ его глубже всѣхъ его окружавшихъ, и ни разу не измѣняетъ себѣ. Разъ только онъ обнаружилъ какъ-бы упадокъ энергіи, когда уже сдвинутый съ своего мѣста и подвергшійся запросу и на новомъ своемъ мѣстѣ о дѣлахъ за десять лѣтъ до того, заключилъ свой отвѣтъ: «продолжительность времени и обстоятельства все изгладило (изгла-

дили?) у меня изъ памяти», хотя и тогда даже, какъ увидимъ, онъ твердо сохранялъ свѣтлое воспоминаніе о лучшемъ времени его пастырства (1866 г.), когда народъ «въ общемъ восторженномъ (какъ выражался отецъ Александръ) воодушевленіи, другъ друга подкрѣпляющіе, поощряли къ принятію св. таинствъ по обряду св. православной церкви» (*).

Обратимся теперь къ самому дѣлу. Съ перваго пункта своего движенія и до конца оно служитъ яблокомъ раздора для всѣхъ. Недоразумѣнія, разладъ, страстность даже въ официальныхъ бумагахъ всѣхъ заражаютъ, и только одно учрежденіе сохраняетъ замѣчательное спокойствіе и, какъ убѣдятся, надѣмся, сами читатели, даже большую гуманность. Это — литовская духовная консисторія, дѣла которой въ настоящемъ случаѣ даютъ право сказать, что и теперь живетъ въ западной Россіи духъ великаго іерарха Іосифа Сѣмашки.

Съ 1866 года, когда происходило присоединеніе многихъ латинянъ къ православію, и до 1870 года свислочская область не обращала на себя всеобщаго вниманія какими-либо особенно выдающимися явленіями своей религіозной жизни. Одни изъ присоединившихся слились съ массою православной паствы и даже извѣстны были особеннымъ усердіемъ къ пра-

(*) Дѣло л. 162. Да будутъ эти наши слова и нижеслѣдующія утѣшеніемъ и возбужденіемъ къ добру этому священнику, много испытавшему въ своей жизни зла! Сейчасъ мы прочитали въ 46 № «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», что это тотъ самый священникъ Гомолицкій, который въ послѣднюю польскую смуту «4 мѣсяца велъ скитальческую жизнь внѣ дома, преслѣдуемый мятежниками, свившими въ Свислочи свое гнѣздо». Этого священника мы хорошо знаемъ по нашимъ бумагамъ и просимъ читателей усилить всѣ наши похвалы ему.

вославленной церкви. Изъ числа оказавшихся послѣ внѣ свислочской православной паствы, нѣкоторые даже крестили своихъ дѣтей въ этой самой—православной свислочской церкви. Совершались еще будто-бы какія-то насилія надъ этими послѣдними священникомъ Гомолицкимъ, но мы не могли дознаться по имѣющимся у насъ даннымъ, чтобы они сдѣлались извѣстными въ этотъ именно промежутокъ времени. Религіозная жизнь свислочской области дѣлается общеизвѣстною и вызываетъ большій и большій шумъ только съ 1870 года, т. е. спустя слишкомъ четыре года послѣ извѣстнаго движенія латинскаго народа западной Россіи къ православію. И въ дѣлѣ литовской духовной консисторіи оно начинается съ конца этого года, и начинается сразу оригинально, становится, что называется, ребромъ. 30 декабря 1870 г. исправлявшій должность судебного слѣдователя волковыскаго уѣзда г. Эртель (*) предъявляетъ литовской духовной консисторіи суровое требованіе понудить священника Гомолицкаго дать ему г. Эртелю объясненіе, «на основаніи какихъ данныхъ привлекаются къ исполненію обрядовъ православной церкви» шесть

(*) Мы знали до сихъ поръ двухъ гг. Эртелей: одного знали по старымъ бумагамъ—непомѣрно суроваго двигателя русскихъ началъ въ западной Россіи; другого,—строителя православныхъ церквей въ той же западной Россіи мы знали лично, и онъ намъ всегда представлялся гуманнымъ человѣкомъ. Этого третьяго г. Эртеля не имѣемъ удовольствія знать и не знаемъ, гдѣ онъ теперь находится; но, конечно, онъ теперь надежно будетъ приобщенъ въ нашихъ воспоминаніяхъ къ двумъ другимъ гг. Эртелямъ, какъ совершенно выдѣляющійся изъ нихъ своимъ особымъ направленіемъ. Не сомнѣваемся, что и многіе читатели не легко забудутъ этого третьяго г. Эртеля, прочитавъ настоящую статью.

крестьянъ свислочской волости и въ числѣ ихъ родной братъ извѣстнаго намъ Осипа Ивановича Малиновскаго, Францъ Ивановичъ Малиновскій (л. 1). По дѣлу оказалось, что объясненіе Гомолицкій давно уже послалъ г. Эртелю, именно еще 10 декабря (л. 3). Неизвѣстно, не могла ли эта бумага нагнать г. исправлявшаго должность судебного слѣдователя, при его частыхъ разъѣздахъ, и зашла гдѣ-либо, или она заслонена была на его столѣ другими многими бумагами и тоже исчезла, или наконецъ ее не доставили въ теченіи 20 дней на столъ близкомъ разстояніи Свислочи отъ Волковыйска разсыльный свислочскаго волостнаго правленія, доносившій впрочемъ до этого города исправно прошенія о возвращеніи въ латинство. Мало того. Не оказалось у г. Эртеля и вторично даннаго ему священникомъ Гомолицкимъ отзыва отъ 16 февраля 1871 г. (лл. 9 и 30). Г. Эرتель не находитъ возможнымъ оторваться отъ другихъ своихъ многотрудныхъ дѣлъ, чтобы разяснить себѣ, что значить это отсутствіе у него бумагъ священника Гомолицкаго, — пропадаютъ ли онѣ гдѣ-либо, или Гомолицкій въ своей только исходящей тетради записываетъ числа и номера бумагъ, на самомъ дѣлѣ не писанныхъ и не посланныхъ? Г. Эртель избираетъ болѣе простую и удобную мѣру. Онъ пока совсѣмъ отворачивается отъ Гомолицкаго, какъ бы признаетъ его безнадежнымъ, а обращается прямо въ ту же литовскую консисторію съ требованіемъ самой вытребовать отъ Гомолицкаго нужныя свѣдѣнія и доставить ему (л. 9 на оборотѣ). Наконецъ онъ теряетъ терпѣніе и по отношенію къ литовской консисторіи, и шлетъ

ей въ родѣ внушенія, что она должна была послать ему не тѣ, а другія бумаги (*).

Литовская консисторія стоитъ твердо и спокойно на пути обычнаго дѣлопроизводства, и ея твердость и спокойствіе теперь намъ понятны. У нея есть всѣя вещи, о существованіи которыхъ начинаетъ смутно догадываться самъ г. Эртель, предполагаемый знатокъ русскихъ законовъ, и можетъ быть вслѣдствіе этого пишетъ новые свои запросы въ литовскую консисторію уже не на четвертушкахъ бумаги, а на полулистахъ (л. 31—32).

Изъ той же Гродны, изъ которой такъ подогрѣта была односторонняя ревность г. исправлявшаго должность судебного слѣдователя волковыйскаго уѣзда, г. Эртеля, поданъ былъ новый сигналъ жалобщикамъ на насильственное обращеніе ихъ въ православіе (**). По недовѣрію ли къ успѣху ревностной

(*) Г. Эртель даже возвратилъ назадъ бумагу консисторіи, заключающую въ себѣ увѣдомленіе его о посланіи Гомолицкому предписаніи удовлетворить требованіямъ г. Эртеля, и на той же возвращаемой бумагѣ написалъ свое внушеніе (л. 13—16).

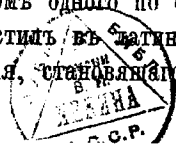
(**) Мы имѣемъ точныя, достовѣрныя свѣденія, кто подалъ этотъ новый сигналъ. Подалъ его русскій человѣкъ, занимавшій притомъ такое положеніе, откуда никакъ нельзя было ожидать смущенія совѣсти новообратившихся къ православію латинянъ. Этотъ злой человѣкъ, имѣвшій кромѣ того возможность нѣсколько лѣтъ калѣчить прекрасное направленіе лучшаго слоя западно-русскаго юношества, теперь далеко отъ Западной Россіи. Мы не назовемъ его имени, а позволимъ лишь себѣ сказать ему то, что сказалъ объ Олегѣ Святославичѣ, наводившемъ на русскую землю кочевниковъ, нашъ древній лѣтописецъ: дабы и Богъ простилъ грѣха сего! и такъ какъ этотъ злой человѣкъ два уже раза совершалъ этотъ грѣхъ,—въ двухъ западно-русскихъ областяхъ смущалъ совѣсть новообращенныхъ, то мы отъ души же-

слѣдательской дѣятельности г. Эртеля, въ подкрѣпленіе для ея, или наконецъ для усиленія соблазна въ западно-русскомъ православномъ мірѣ, свислочскіе жалобщики лѣтомъ слѣдующаго, т. е. 1871 г., вступаютъ на новый путь, — подаютъ одни за другими духовной православной власти прошенія о незаконномъ привлеченіи ихъ къ православію и о возвращеніи ихъ къ латинству, отъ котораго они, по ихъ словамъ, никогда не думали отступать. Но сразу эти простые люди, еще вѣроятно недостаточно тогда вразумленные опытными хитрецами тяжёбныхъ дѣлъ, попадаютъ впросакъ, сами въ своихъ прошеніяхъ простодушно открываютъ ихъ незаконность. Первый застрѣльщикъ въ этомъ дѣлѣ (вольный или невольный, не знаемъ) Иванъ Широковскій въ первыхъ же строкахъ своего прошенія выдаетъ, что онъ сынъ православной матери (л. 4), слѣдовательно, въ силу извѣстнаго русскаго закона касательно смѣшанныхъ браковъ, долженъ быть православной вѣры. Проситель, т. е. неопытный составитель его прошенія, находится въ совершенномъ невѣдѣніи касательно этого дѣйствующаго закона русскаго государства; но онъ хорошо знаетъ законъ этого рода отъ прежняго времени и какъ спеціальныи законъ одной лишь русской области. Неизвѣстно, поляки ли западной Россіи, любящіе жить въ области своего давнопрошедшаго и болѣе пригоднаго имъ прошедшаго русскаго, напомнили составителю прошенія прежній законъ,

лаемъ, чтобы ему не пришлось когда-либо услышать болѣе полный укоръ этого лѣтописца: «Се уже третіе наведе поганыя на землю русскую, его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестіянъ изгублено бысть».

дѣйствовавшій въ западной Россіи, что дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ слѣдуютъ вѣрѣ своихъ родителей сообразно ихъ полу, или балтійскіе нѣмцы, которыхъ теперь такъ много въ западной Россіи и изъ числа которыхъ одинъ недавно былъ судимъ за ниспроверженіе русскихъ законовъ въ ковенской губерніи, воодушевились ревностію распространить на западную Россію недавнюю свою привиллегію касательно смѣшанныхъ браковъ, только Широковскій потому и указалъ въ своемъ прошеніи на свое происхожденіе отъ православной матери, чтобы показать, что въ его родѣ соблюдался этотъ именно особый порядокъ касательно смѣшанныхъ браковъ,—сестры его содержатъ православіе, а онъ съ братьями, какъ сынъ латинянина, содержитъ латинство, и съ его точки зрѣнія такъ и должно быть и его не должны считать православнымъ (тамъ же).

За Широковскимъ или, лучше сказать, вмѣстѣ, одновременно выступаетъ съ прошеніемъ нашъ Осипъ Ивановичъ Малиновскій, котораго прошеніе писано тѣмъ же лицомъ и помѣчено однимъ и тѣмъ же числомъ, 3-го іюня 1871 г., но подписано другимъ лицомъ и, вѣроятно, писано послѣ перваго. Здѣсь тотъ же случай—происхожденіе Осипа Ивановича Малиновскаго отъ православной матери, но дѣло гораздо сложнее и потому, вѣроятно, и придумано нѣсколько иное исходное начало для его объясненія. Малиновскій, не смотря на свое православное происхожденіе, своихъ дѣтей — и мальчиковъ (кромѣ одного по особому случаю, какъ увидимъ) и дѣвочекъ креститъ въ Католическую вѣру. Для ослабленія силы этого явления, становящагося въ разрѣзъ и съ старымъ русскимъ за-

кономъ, въ прошеніи показано, что Осипъ Ивановичъ Малиновскій родился отъ уніатки (л. 6).

Литовская духовная консисторія сначала какъ будто не представляла себѣ ясно этого главнѣйшаго пункта въ исторіи смуты изъ за обращенія въ православіе латинянъ свислочской волости, и какъ бы желая стать на болѣе современную точку зрѣнія и проще заглушить всю смуту, энергично налегла на другое основаніе—добровольное присоединеніе къ православію всѣхъ вообще жалобщиковъ, подтверждаемое ихъ подписками и внесеніемъ ихъ въ метрическія книги. Въ этомъ смыслѣ она сразу думала оборвать усердіе г. Эртеля и дала знать о своемъ рѣшеніи считать этихъ лицъ православными и въ латинскую консисторію и самимъ этимъ лицамъ черезъ полицейское управленіе и мѣстному священнику для продолженія его увѣщаній совратившимся (лл. 17 на оборотѣ и 19 и 20).

Если пристальнѣе взглядѣться въ это рѣшеніе литовской духовной консисторіи, то оно въ существѣ своемъ заключало слѣдующія мысли: перестаньте, постороннія лица, вмѣшиваться въ это дѣло и дайте прежде свободу пастырскому увѣщанію!

Но это вовсе не значило, что и литовская духовная консисторія игнорировала дѣйствующій законъ російской имперіи касательно смѣшанныхъ браковъ. Объ этомъ давно писалъ ей священникъ Гомолицкій; объ этомъ онъ давалъ поясненія своему викарному архіерею, и, можно сказать, всѣмъ твердилъ, что у него есть въ запасѣ эта внѣшняя сила. Литовская духовная консисторія знала все это, слагала, такъ ска-

затѣ, въ своемъ сердцѣ, и только когда обнаружились. Ясно раскинутыя поляками-латинянами и ихъ неразумными пособниками сѣти, озадачила всѣхъ своимъ указаніемъ на силу 47 ст. XIV т. Св. Законовъ. Это было уже почти спустя годъ послѣ начала этого шумнаго дѣла (л. 47).

Г. Эртелю оставалось или совсѣмъ остановить свое усердіе или направить его на провѣрку документовъ съ прежней точки зрѣнія литовской консисторіи, — на провѣрку подписокъ на присоединеніе къ православію, причемъ представлялся удобный случай провѣрить и пастырскія дѣла священника Гомолицкаго и бывшихъ гражданскихъ чиновъ волковыйскаго уѣзда и всю вообще такъ называемую въ рѣчи г. Спасовича и въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» систему обрусенія западной Россіи. Онъ избралъ этотъ послѣдній путь и далъ своей слѣдовательской ревности еще болѣе одностороннее направление.

Но пока опредѣлялись вверху начала и направленія дѣятельности, внизу, въ несчастной средѣ простыхъ людей, которыхъ совѣсть была смущена, дѣла шли старыми путями, и бѣдные люди болѣе и болѣе запутывались въ сѣтяхъ разставляемыхъ имъ ловкими людьми. Впрочемъ, кое-что изъ новыхъ началъ и направленій проникало въ эту темную среду, но на большую еще пагубу ей. И не нашлось ни одной доброй души изъ образованной русской среды, которая бы сказала вѣрное слово этимъ простымъ людямъ и охранила ихъ отъ вышесказанныхъ сѣтей, въ разстановкѣ которыхъ приняли участіе и жидаы! Одинъ священникъ Гомолицкій — этотъ ужасный человѣкъ по изображенію г. Спасовича — былъ дѣйстви-

тельными охранителемъ отъ еще большаго зла этихъ простыхъ людей. Послѣ перваго, очень дурнаго раздраженія священника Гомолицкаго, что эти простые люди такъ неразумно поднимаютъ совѣмъ чужое дѣло, — раздраженія, вызвавшагося въ требованіи предать ихъ суду, какъ бунтовщиковъ (л. 5 на обор. и 11 на обор.), въ немъ задребезжала, сначала едва слышно, чисто народная западно-русская струна и потомъ уже непереставала дребезжать громче и громче, и наконецъ, какъ громкій, многострунный звукъ, раздалась для историческаго слуха не только въ томъ свѣтломъ воспоминаніи о народномъ *восторжномъ* настроеніи, какое хранилось въ немъ и тогда даже, когда все изгладилось у него изъ памяти, но и въ другомъ случаѣ, въ сильнѣйшемъ разгарѣ страстей, гораздо раньше, когда онъ въ другомъ своемъ донесеніи еще изъ Свислочи сказалъ: «воодушевленіе и восторгъ вообще тогда (въ 1866 г. во время присоединенія къ православію латинянь) проявлялся было въ народѣ» (л. 127 на оборотѣ).

За первыми двумя прошеніями, писанными одною, весьма не твердою и можетъ быть женскою рукою, послѣдовали одно за другимъ другія прошенія, писанныя уже другими (двумя) руками, показывающими гораздо большій навыкъ и одно изъ нихъ даже твердость и бойкость пера не только въ смыслѣ почерка, но и въ смыслѣ слога, если переписчикъ прошеній былъ въ тоже время и авторомъ ихъ. Составлялись эти прошенія по одному принципу: чѣмъ больше скажется, тѣмъ лучше. Болѣе и болѣе выдвигается лицъ и въ числѣ ихъ то и дѣло родъ Осипа Ивановича Малиновскаго, именно-

то самъ онъ, то его брать, то его дѣти, наконецъ, неизвѣстно чьи дѣти—Малиновскіе, и болѣе и болѣе поражающія доказательства насилія при отбираниі подписокъ. Одновременно съ тѣмъ г. Эртель энергично производилъ свое дознаніе объ этихъ самыхъ подпискахъ, объ этихъ самыхъ насиліяхъ. Священникъ Гомолицкій оказался въ положеніи столба, въ которому подходить со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ сторонъ поражаютъ. Литовская духовная консисторія по каждому новому прошенію требуетъ его объясненій; г. Эртель идетъ за нимъ по пятамъ во всѣхъ его дѣлахъ и производитъ ревизію всего его пастырства на глазахъ у всей свислочской волости, — православныхъ, латинянъ и жидовъ. Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не находимъ въ дѣлѣ литовской духовной консисторіи подлиннаго дознанія г. Эртеля, а только извлеченіе изъ него, и не можеть судить, насколько этотъ, оставленный въ одиночествѣ западно-русскій столбъ свислочской области Гомолицкій колебался отъ ударовъ осаждавшей его арміи; но передъ своею—литовскою консисторіею, въ многочисленныхъ своихъ донесеніяхъ, составляющихъ драгоцѣнный историческій памятникъ, онъ не только не колебался, а напротивъ наносилъ осаждавшей его арміи удары — одинъ другаго сильнѣе и вѣсче на вѣсахъ историческихъ. Мы представимъ въ самомъ сжатомъ видѣ эту поистинѣ трагическую борьбу одинокаго человѣка, безжалостно оставленнаго всѣми интеллигентными русскими людьми свислочской мѣстности, — борьбу съ цѣлою арміею осаждавшихъ его враговъ.

На первомъ планѣ этой замѣчательной батальной западно-русской картины, способной вызвать сильную боль во вся-

комъ русскомъ сердцѣ, выдѣляются прежде всего, кромѣ одинокаго, но возвышающагося надъ всѣми священника Гомолицкаго, Осипъ Ивановичъ Малиновскій съ цѣлымъ его родомъ, затѣмъ его ближайшіе пособники, далѣе люди, коварно выдвинутые просто для скандала, пугающіеся на первыхъ же шагахъ того, что они дѣлаютъ, и нѣсколько разъ то оборачивающіеся лицомъ противъ Гомолицкаго, то съ ребяческимъ непостоянствомъ обращающіеся на попятный дворъ. Наконецъ на отдаленномъ мѣстѣ этой картины, въ полумракѣ и повидимому въ совершенно безопасномъ отъ ударовъ Гомолицкаго положеніи, обозначаются дѣйствительные двигатели всѣхъ этихъ военныхъ силъ (*). Но зоркій, опытный глазъ священника Гомолицкаго видитъ этихъ дѣйствительныхъ своихъ враговъ, дѣйствительныхъ виновниковъ народной смуты, и потому нерѣдко, минуя ближайшіе ряды осаждавшаго его войска, какъ свою же родную кровь, направляетъ свои мѣткіе удары на этихъ отдаленныхъ враговъ, и еслибы не явное закрывательство, устроявшееся имъ со стороны русскихъ людей, то въ свислочской области была бы смута совершенно иного рода.

(*) Исправлявшему должность судебного слѣдователя г. Эртелю мы не можемъ назначить здѣсь опредѣленнаго мѣста, потому что не имѣемъ въ рукахъ его подлиннаго дознанія и полученныхъ имъ въ свое время инструкцій отъ г. прокурора гродненской уголовной палаты. Если мы получимъ возможность ознакомиться и съ этими документами и увидимъ, что они дадутъ опредѣленное мѣсто г. Эртелю, а тѣмъ болѣе, если это мѣсто совершенно иное, чѣмъ мы предполагаемъ, то мы сочтемъ себя обязанными сообщить объ этомъ читателямъ «Церковнаго Вѣстника» въ ближайшемъ же номерѣ этого изданія.

Первый застрѣльщикъ Иванъ Широковскій получилъ отъ Гомолицкаго сразу столь сильный ударъ, что сейчасъ же сошелъ съ поля битвы и потомъ уже не выступалъ. Гомолицкій обнаружилъ, что называющій себя Иваномъ Широковскимъ есть Иванъ Чуракъ, что дѣдъ его изъ древне-православныхъ насильственно совращенъ былъ помѣщикомъ въ латинство, что мать его была тоже древне-православная и наконецъ, что въ 1866 году онъ далъ добровольную подписку на отреченіе отъ латинства и на всегдашнее повиновеніе законамъ св. православной церкви со всѣмъ семействомъ (л. 5). Тутъ же затронуть и Осипъ Ивановъ Малиновскій и, главное, оба они представлены, какъ выборные отъ трехъ приходоу, и дѣлають дѣло на собранныя съ этихъ приходоу деньги. Священникъ Гомолицкій очевидно уже вглядывался въ отдаленныхъ, скрывавшихся въ туманѣ дѣйствительныхъ враговъ своихъ. Въ той же бумагѣ, по всей вѣроятности знакомой г. Спасовичу, онъ прямо обращаетъ вниманіе своей власти на «дѣйствіе подземной свислочской латино-панской коалиціи». Дѣйствительные удары этой коалиціи, а при этомъ и неизбежные удары Осипу Ивановичу Малиновскому, онъ нанесъ въ другихъ своихъ бумагахъ. Осипъ Ивановичъ Малиновскій выступалъ съ своимъ прошеніемъ по одному, весьма важному обстоятельству въ его жизни. Его 19-ти-лѣтняя дочь, уже обрученная невѣста крестьянина добровольской волости Болбота, не могла вступить въ бракъ, потому что «священникъ Гомолицкій не разрѣшалъ и понуждалъ принять православіе». На послѣдовавшій запросъ священникъ Гомолицкій выступилъ съ такимъ побѣдоноснымъ

оружіемъ, которое при другихъ порядкахъ въ западной Россіи сразу дало бы другое направленіе дѣламъ о совращеніяхъ, он едва-ли дошли бы до сената и ни въ какомъ случаѣ не давали бы г. Спасовичу возможности защищать крестьянинъ Малиновскаго и нападать на обращеніе въ православіе латинянъ въ 1866 г., какъ онъ теперь это дѣлалъ. Священникъ Гомолицкій показалъ, что Малиновскій не только сынъ православной матери и самъ добровольно далъ подписку на православіе но что онъ до настоящаго времени мысли о совращеніи не обнаруживалъ, а всегда отвѣчалъ только: еще обожду, на думаюсь, и весьма недавно, въ 1869 г., самымъ осязательнымъ образомъ доказалъ, что склоняется на православіе. Онъ въ этомъ году крестилъ съ благоговѣніемъ, какъ говоритъ Гомолицкій, своего сына въ православной свислочской церкви (л. 7 на оборотѣ). Вопросъ о подпискѣ Малиновскаго на принятіе православія, на изобличеніе подложности которой г. Спасовичъ потратилъ столько усилій и подвергъ посрамленію сколько людей, получаетъ такимъ образомъ совершенно иное юридическое освѣщеніе. ~~Но~~ мало того. Гомолицкій показалъ, что и женихъ дочери Малиновскаго напрасно считаетъ себя латиняниномъ. Онъ тоже съ своимъ отцомъ присоединился въ 1866 г. къ православію и получилъ званіе латинянина очень оригинальнымъ образомъ. Ему пришлось поступить въ казенные полѣсовщики и для этого принести присягу. Г. лѣсничій обратился за свѣденіемъ, какой вѣрн кандидатъ въ полѣсовщики, крестьянинъ Болботъ, не въ духовнымъ лицамъ, а въ волостное правленіе, которое дало свидѣтельство, что Болботъ—латинянинъ. По этому-то лож-

ному свидѣтельству Болботъ получилъ и охрану казеннаго лѣса, и званіе латинянина. Это показаніе взято Гомолицкимъ изъ устъ отца полѣсовщика и потому заслуживаетъ большой вѣры. Гомолицкій при этомъ увидѣлъ на отдаленномъ планѣ битвы еще новыхъ враговъ, которыхъ и мы едва намѣтили. Указывать ихъ прямо смущается самъ Гомолицкій. Онъ входитъ въ довольно длинное скорбное разсужденіе о томъ, что «папизмъ, павшій повидимому на главномъ своемъ сѣдалищѣ... здѣсь, въ православномъ государствѣ, при послѣднихъ судорогахъ своихъ, очевидно усиливается и окрѣпляется». Наконецъ, только по довѣрію къ своей духовной власти, онъ прямо заявляетъ. «что къ увеличенію сего зла, т. е. къ потрясенію спокойствія нашей православной церкви въ окрестностяхъ Свислочи, больше всего способствуютъ своимъ потворствомъ или безвмѣстнымъ вмѣшательствомъ ближайшія вліятельныя на народъ власти, которыя не только не стараются содѣйствовать духовенству православному, чтобы успѣшнее возвратить и укоренить въ здѣшней, фанатизмомъ папскимъ и полонизмомъ зараженной мѣстности православіе—элементъ русской народности, какъ древнее достояніе сего края, но изъ непонятныхъ мнѣ причинъ, будто бы (какъ бы?) въ противность душевному стремленію всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи и чадъ православныя церкви, ласкаютъ и защищаютъ всѣхъ отступниковъ православныя церкви,—ласкаютъ и почти награждаютъ всѣхъ преступниковъ 1863 года, и такимъ образомъ дозволяютъ и почти помогаютъ повторяться, продолжаться и сильно утверждаться всему прежде введенному чуждому, вредному православной цер-

«ви и русской народности,—кажется больше, чѣмъ въ прежнія времена, только больше скрытыми путями» (л. 7 и 11).

Въ то самое время, когда Гомолицкій рисовалъ такую мрачную картину состоянія православія и русской народности въ свислочской области, въ осаждавшей его арміи происходило большое движеніе. Готовилась атака на него всѣми передовыми силами. Задолго еще до объявленія литовской духовной консисторіи, что давшіе подписку на православіе должны оставаться въ немъ, въ свислочской области сдѣлалось извѣстно, что подпискамъ дается такое важное значеніе, и вотъ—всѣ, рѣшившіеся удержаться въ латинствѣ, не смотря ни на свое происхожденіе отъ православныхъ родителей, ни на эти росписки, 21 человекъ, въ томъ числѣ и Осипъ Малиновскій съ родичами (*), подали въ тотъ самый день, когда писалъ свое знаменитое донесеніе Гомолицкій, одно общее прошеніе, въ которомъ свидѣлствуютъ, что не заявляли сами никакого желанія присоединиться къ православію, а привлечены къ нему обманомъ и насиліемъ со стороны бывшего мирового посредника Щербова (**). Го-

(*) Ниже мы увидимъ, что опущеніе отчества Осипа Малиновскаго имѣетъ весьма важное значеніе въ настоящемъ случаѣ.

(**) Выписываемъ это прошеніе, удерживая его правоиспаніе, хотя это копія его. «Отъ непамятныхъ лѣтъ предки наши и родители всегда были католиками и всѣ семейства исполняли обряды въ римско-католическомъ костелѣ—но въ 1866 г. по распоряженію и личному наставланію б. (бывшаго?) мирового посредника Щербова всякому извѣстнаго (извѣстно?) о его преслѣдованіи католиковъ и изтязаніяхъ имъ причиняемыхъ, мы были принуждены возмутительными мѣрами въ волюстномъ правленіи о дачѣ подписокъ на принятіе православія, но когда мы на то при всѣхъ усиліяхъ мѣстнаго православнаго священника не

молицій здѣсь оставляется какъ бы въ тѣни; но это было сдѣлано, какъ убѣдимся ниже, съ большимъ расчетомъ. Щербова тогда не было уже въ волжовыйскомъ уѣздѣ. Предполагалось вѣроятно, что отсутствующаго и опозореннаго всѣми, какъ на это указывается въ самомъ прошеніи, Щербова не станетъ сильно защищать даже свящ. Гомолицкій или защита его въ глазахъ всѣхъ будетъ казаться слабою. Но вожди наступающей арміи жестоко ошиблись въ своемъ расчетѣ. Гомолицкій не сталъ напрасно тратить своихъ силъ на чужое дѣло, хотя, конечно, былъ не дурнаго мнѣнія о Щербовѣ. Онъ даже мало возмущается натискомъ наступающей арміи и просто, безъ всякихъ распространеній и скорбныхъ разсужденій, указываетъ на происхожденіе однихъ изъ подававшихъ проше-

согласились, то гоняли насъ какъ бы преступниковъ по другимъ православнымъ приходамъ и тамъ увѣщевая насъ съ укорительными угрозами и неблагоприятными мѣрами къ принятію православной вѣры, но мы на то при многихъ мученіяхъ и изъязвленіяхъ не согласились и никакихъ подписокъ не давали, и если показано православнымъ духовенствомъ, что будто бы мы согласились и дали подписки, то никто на то не могъ бы рѣшиться какъ только писарь волостнаго правленія по наставленію мирового посредника Щербова, и при такихъ хотя угнетательныхъ дѣйствіяхъ, держась мы своей оставленной родителями нашими католической вѣры, въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ остаемся безъ исповѣди, а родившіеся дѣти наши не крещенными; ибо мѣстный настоятель свислочскаго костела не рѣшается къ допущенію насъ къ исполненію католическихъ обрядовъ, объявилъ намъ, что будто бы мы по объявленію мѣстнаго православнаго священника дали подписки къ принятію православія, чего никогда не было и мы о подпискахъ кто бы ложно совершилъ таковыя ничего не знаемъ (Л. 73). (Дальше—просьба оставить ихъ въ латинствѣ и перечисленіе лицъ подававшихъ это прошеніе).

ніе отъ православныхъ родителей и на добровольное, личное присоединеніе къ православію другихъ. Эта, повидимому, странная невнимательность Гомолицкаго къ нападавшей на него цѣлой арміи отпадшихъ отъ православія была въ дѣйствительности очень естественна. Гомолицкій ясно увидѣлъ дѣйствительныхъ своихъ враговъ, и сталъ бить ихъ наповаль. Враги Гомолицкаго сдѣлали одну непростительную ошибку. Набирая ратниковъ, они какимъ то образомъ захватили и такого человѣка, который совсѣмъ не годился для ихъ арміи и въ дѣйствительности никогда не думалъ оставлять православіе. Онъ созналъ весь позоръ своего участія въ этой безнравственной атакѣ, бросилъ своихъ новыхъ соратниковъ, возвратился къ Томолицкому и весьма существенно дополнилъ имѣвшіеся у него свѣденія о дѣйствіяхъ главныхъ вождей этого полчища (*). Органистый свислочскаго латинскаго костела былъ ближайшимъ вождемъ этой арміи, ходилъ по домамъ жалобщиковъ, поднимая ихъ на жалобу, и хитро склонилъ къ уча-

(*) Этотъ, обманомъ завербованный ратникъ помѣщенъ въ прошеніи очень странно. Въ прошеніи говорится: «по личной просьбѣ неграмотныхъ крестьянъ» такихъ то... перечисляются имена и фамиліи жалобщиковъ въ родительномъ падежѣ, — и вдругъ нашъ ратникъ, человѣкъ грамотный, поименованъ въ именительномъ падежѣ, а дальше—опять имена и фамиліи въ родительномъ падежѣ и наконецъ: «какъ за неграмотныхъ по личной ихъ просьбѣ росписуюсь Феодоръ Вайцѣховскій». Дѣло очевидное, что нашъ ратникъ просто росписался только за неграмотныхъ просителей, а потомъ ратники еще набирались послѣ его подписи, и оказался нужнымъ другой грамотный человѣкъ, который бы подписался и за нихъ, и такимъ явился Вайцѣховскій. Но нашъ ратникъ смѣшанъ былъ съ просителями и такъ прошолъ по которымъ бумагамъ, какъ желавшій держаться латинства.

стію въ этомъ даже возвратившагося къ Гомолицкому крестьянина, отъ рожденія православнаго, всегда исполнявшаго свои христіанскія обязанности и повидимому усерднаго, какъ говоритъ Гомолицкій. За латинскимъ органистымъ стоялъ еще болѣе важный вождь, свислочскій латинскій есендзъ, который, выражаясь словами Гомолицкаго, «разными подземными извѣтами, посредствомъ тайныхъ своихъ агентовъ (братчиковъ, нищихъ?) обнадеживаетъ легковѣрныхъ и не вполне въ православіи утвержденныхъ яловскихъ и свислочскихъ крестьянъ въ возвратъ ихъ опять въ латинство, и многимъ, наипаче яловскимъ ново-присоединившимся и склоннымъ къ отпаденію преподаетъ тайно духовныя требы» (л. 74—75).

Въ дѣлѣ литовской духовной консисторіи нѣтъ никакого указанія на то, какъ посмотрѣли тѣ, кому надлежало смотрѣть, на этихъ указанныхъ Гомолицкимъ вождей латинскаго движенія въ свислочской области; но мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ свѣденія, что эти вожди даже при тѣхъ потворствахъ, о какихъ говорилъ Гомолицкій выше, найдены дѣйствительно таковыми, какими изобразилъ ихъ Гомолицкій, и лишены командованія надъ этой арміей.

Вотъ въ это-то время, 5-го ноября 1871 г., литовская консисторія выдвинула и огласила уже упомянутый нами принципъ, что кто добровольно принялъ православіе и далъ подписку, тотъ долженъ оставаться въ православіи, причемъ поименованы лица, подходящія подъ такой принципъ (л. 19 и 20). Но въ свислочской области и въ это время, какъ и прежде, дѣла шли своимъ, такъ сказать, независимымъ путемъ.

Восемь человекъ свислочской волости (мушину и женщины), какъ будто ничего не зная о томъ, что выдвинуть вопросъ о значеніи подписокъ на православіе и что на незаконность этихъ подписокъ жаловались ихъ же братія числомъ 21, подали 5-го октября 1871 г. православной духовной власти прошеніе, въ которомъ, совершенно игнорируя свое присоединеніе къ православію, выражали изумленіе, почему Гомолицкій даетъ запрещеніе ихъ латинскому ксендзу принимать ихъ въ костелъ, къ которому они принадлежатъ отъ отцовъ и дѣдовъ, и такимъ образомъ они, какъ какіе либо невѣрующіе въ Иисуса Христа, остаются безъ святыхъ таинствъ, въ опасеніи умереть безъ христіанскаго напутствія. Не довольствуясь еще и этимъ, достаточно сильнымъ заявленіемъ, новые жалобщики въ концѣ своего прошенія рассказываютъ о такомъ дѣйствіи Гомолицкаго, которое способно было возмутить до глубины души даже невѣрующихъ, и если бы оказалось дѣйствительнымъ, то подвергало бы Гомолицкаго лишенію сана. «Неизлишнимъ считаемъ доложить, пишутъ жалобщики, что изъ насъ просителей Прасковія Кардашева когда насильно была приведена въ церковь по распоряженію отца Гомолицкаго, то по выслушаніи отъ нея исповѣди, хотя она заявила, что была подъ ѣвшій (т. е. уже не много ѣла?) но отецъ Гомолицкій не смотря на то насильственнымъ образомъ далъ ей святыя тайны» (л. 37). Пошли обычные запросы Гомолицкому. Легко и удивительно спокойно развязываетъ онъ этотъ Гордіевъ узелъ. Пять человекъ изъ числа жалобщиковъ дали, по его показанію, добровольную подписку на присоединеніе къ православію, муропомазаны, приобщены и числятся въ

метрическихъ книгахъ (*). Двое другихъ (Цыдзикъ и Чмель) присоединены въ сосѣднемъ приходѣ, гдѣ и должны быть документы. Что же касается Прасковіи Кардашевой, которая будто бы насильно приобщена, то она «есть, говорить Гомолицкій, личность выдуманная, ни по метрическимъ книгамъ и исповѣднымъ росписямъ при свислочской церкви не состоящая (**), какъ выдуманный (выдуманъ?) и никогда не бывалый извѣтъ на свислочскую церковь о ея Прасковіи Кардашевой нигдѣ въ мірѣ семъ несуществующей (несуществующемъ?) причащеніи». Затѣмъ Гомолицкій поясняетъ, что подобнаго рода «извѣты и легенды, оскорбляющіе святую православную церковь, выдумываются и разглашаются латинскою шляхтою»... (одной изъ сосѣднихъ околицъ)... и дѣлаетъ догадку, что всю эту исторію выдвинулъ одинъ изъ шляхтичей, получившій чинъ коллежскаго секретаря

(*) (Такіе то крестьяне:) «Сами добровольно явились ко мнѣ въ церковь, пишетъ Гомолицкій, изъявили добровольное, рѣшительное свое намѣреніе изъ латинства присоединиться къ святой православной католической церкви, выдали въ томъ собственноручныя подписки приняли святое Миропомазаніе,—послѣ того исповѣдались и причастились Тѣла и Крови Христовой въ свислочской вѣрренной мнѣ церкви и записаны въ метрической книгѣ о присоединившихся за 1867 годъ (л. 39).

(**) Въ другомъ своемъ донесеніи Гомолицкій выражается еще обстоятельнѣе. «Прасковія Кардашева, говоритъ онъ, ни въ документахъ церковныхъ нигдѣ не записана и въ деревни Рожкахъ не обрѣтается,—это личность совершенно выдуманная, такъ какъ и прошенія ихъ (жалобщиковъ) пишутся по наговору подземныхъ дѣятелей въ пользу папизма всегда почти напротивъ воли принужденныхъ просителѣй» (л. 126).

за долговременную службу на одномъ педагогическомъ постѣ (названъ по фамиліи), всегда оными (т. е. извѣтами и легендами) рыкующій (рыкающій?) (л. 40 и 41).

Въ дѣлѣ литовской духовной консисторіи нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, произведено ли было удостовѣреніе, каковымъ образомъ попало въ прошеніе несуществующее лицо, принесшее такую вопіющую жалобу, или не виновенъ ли въ самомъ дѣлѣ Гомолицкій? Въ дѣлѣ находятся лишь архивныя справки. По одной изъ нихъ подписки на православіе Прасковіи Кардашевой дѣйствительно не оказалось. Не оказалось сначала этой Прасковіи Кардашевой и по другой, болѣе важной справкѣ — въ метрическихъ консисторскихъ книгахъ свислочской церкви, но потомъ въ этой послѣдней справкѣ тою же рукою имя ея надписано вверху послѣ другой Кардашевой-Анны, тоже жаловавшейся въ томъ же прошеніи (л. 41 на оборотѣ) (*). Такъ и остается это вопіющее дѣло неуясненнымъ, прекратившимся безъ конца. Но оно прекратилось только въ бумагахъ. Въ дѣйствительности оно оказалось живучимъ, только въ другой формѣ; оно воскресло въ другомъ прошеніи съ именами двухъ крестьянъ, помѣщенныхъ въ этомъ прошеніи.

Мы замѣчали выше, что о двухъ изъ жалобщиковъ, подававшихъ прошеніе вмѣстѣ съ именическою Прасковьею Карда-

(*) Мы по телеграфу просили сдѣлать новую справку, есть ли въ метрическихъ книгахъ свислочской церкви за 1867 г. Прасковія Кардашева или нѣтъ? Отвѣтъ, подписанный г. секретаремъ лит. д. консисторіи, полученъ: «записи Прасковіи Кардашевой нѣтъ». Затѣмъ получено письменное извѣщеніе, что такого лица нѣтъ въ метрическихъ книгахъ не только за 1867 г., но и за ближайшіе годы, за 1866 и за 1868 г.

шевой, Гомолицкій замѣтилъ, что они присоединены въ соединенъ приходѣ (росскомъ). Подписки ихъ оказались въ литовской консисторіи, но для болѣе точнаго разъясненія дѣла консисторія послала запросъ росскому священнику. По всей вѣроятности, эти жалобщики-крестьяне Цыдзигъ и Чмель узнали о такомъ направленіи ихъ дѣла и 1-го мая 1872 года подали новое прошеніе, въ которомъ изображаютъ поразительную картину насилій, какимъ подвергалъ ихъ другой мировой посредникъ—Львовъ, какъ къ нимъ наѣзжала экспедиція волостныхъ властей, какъ ихъ тягали то въ Свислочь, то въ Росу, гдѣ заключали въ такое тѣсное помѣщеніе, что нельзя было ни свободно стоять, ни сидѣть, что наконецъ, въ ихъ отсутствіе изъ домовъ туда наѣзжали и внезапно нападали на ихъ семейства сторожъ и казакъ, отъ чего нѣкоторые изъ женщинъ впадали въ обморокъ, но что не смотря на всѣ эти насилія, они просители не соглашались принимать православіе, подписки за нихъ подложно писалъ кто либо другой, вѣрнѣе всего, волостной писарь, и что наконецъ, хотя ксендзь не принимаетъ ихъ къ себѣ уже столько лѣтъ, но они остаются при своемъ рѣшеніи быть латинянами (*). Это запутанное и безъ

(*) Выписываемъ болѣе важную часть этого довольно длиннаго прошенія (подлинникъ). «Въ 1866 году бывшій нашъ ятвезскій волостной старшина... (названъ) и писарь Николай Доброхотовъ, нынѣ умершій, по распоряженію мирового посредника 2-го участка волковыскаго уезда маіора Львова, присылалъ въ нашу деревню (Ясколдовъ) сторожей ятвезскаго волостнаго правленія доставить насъ въ волостное правленіе, для предложенія намъ, присоединиться къ православію, но мы все не являлись, зная въ чемъ состоятъ сугб; наконецъ, прибывшій изъ мѣстечка Роси мировой посредникъ Львовъ въ Свислочь, прина-

того дѣло осложнилось еще самымъ неожиданнымъ образомъ. Священникъ русской церкви на упомянутый нами запросъ объ обращеніи въ православіе Цыдзика и Чмеля отвѣтилъ, что такого обращенія у него не было, подписки на православіе этихъ крестьянъ съ его подписью должно быть подложны, и онъ тогда только признаетъ ихъ подлинность, когда своими глазами увидитъ свою подпись на нихъ. Подписки послали, а между тѣмъ вторично спросили Гомолицкаго. Гомолицкаго это дѣло мало казалось, но этотъ знатокъ свислочскихъ событій быстро вспомнилъ довольно уже давно прошедшее время и раскрылъ на прощаніи съ Свислочью, какъ сейчасъ уви-

залъ старшинъ (замѣля старшины) и писарю Доброхотову вызвать насъ письменною повѣсткою въ волостное правленіе, и послѣдній разъ предложить намъ присоединиться къ православію и буде и засимъ не присоединимся къ православію, то доставить насъ въ Россѣ къ нему. Сказано,—сдѣлано. Насъ въ числѣ другихъ взяли и доставили къ посреднику Львову въ Россѣ. Въ Россіи изъ насъ Цыдзика Львовъ посадилъ въ тѣснѣйшую коморочку, въ которой нельзя было, ни свободно стать, ни лечь, а Чмеля посадилъ, тотъ же Львовъ, подъ арестъ, при волостномъ правленіи, въ этихъ заключеніяхъ, мы пробыли близко сутокъ, и по распоряженію Львова имѣли насъ разослать православнымъ священникамъ на увѣщанія, но когда изъ насъ Цыдзикъ на это несогласился, то по распоряженію Львова отъ имени нашего написана одна подписка, о томъ, что будто бы мы добровольно присоединяемся и за насъ предложена была къ подписи въ русскомъ волостномъ правленіи какому то маленькому помощнику волостнаго писаря... (названъ), за насъ неграмотныхъ, чего конечно, мы не просили и на присоединеніе къ православію несоглашались. По этой подпискѣ нашего желанія присоединиться къ православію мы нигдѣ у православныхъ священниковъ не исповѣдывались и въ православныхъ церквахъ не приобщались (л. 123)...

димъ, весьма важныя вещи, по крайней мѣрѣ касательно одного изъ жалобщиковъ. «Когда Симонъ Ивановъ Чмель, писалъ Гомелицкій 14-го октября 1872 г., изъявилъ возжеленнѣйшее желаніе присоединиться къ православно-каатолической церкви изъ латинскаго обряда и выдалъ въ томъ добровольную подписку въ присутствіи свидѣтелей и священника, то послѣ сего онъ, Чмель, прибылъ было съ женою Софією и дочерью Іульяною въ волостное ятвѣское правленіе и въ присутствіи г. мирового посредника и моемъ при многихъ бывшихъ свидѣтеляхъ и волостномъ писарѣ изъяснили сами: жена и дочь Симона Чмеля искренное восторженное добровольное желаніе остаться прихожанками православно-каатолической церкви—нераздѣльно жена съ мужемъ и дочь съ отцомъ, вышепрписаннымъ Чмѣлемъ (*такое воодушевленіе и восторгъ вообще тогда проявлялся было въ народѣ*), и на основаніи такового ихъ собственнаго добровольнаго желанія, они сопричислены къ приходу Свислочской церкви, и комиссія бывшая тогда для повѣрки народонаселенія гродненской губерніи по вѣроисповѣданію, признала ихъ Софію и Юлью (Іульяну) Чмѣлевыхъ православными христіанами и *въ присутствіи ксендза депутата* отчислила ихъ отъ прихода латинскаго» (л. 127—128) (*).

Дѣло затянулось, перешло въ 1873 г. и, какъ увидимъ, потребовало еще нѣсколькихъ лѣтъ и обнаружило такія но-

(*) Все это, очевидно происходило до того времени, когда Цыдзигъ и Чмель призывались мировымъ посредникомъ въ Россію. Понятно, послѣ этого, почему они туда призывались и почему даже за женщинами посылали въ деревню. Все это могло быть, но было потому, что всѣ эти лица еще прежде сами зачислили себя въ среду православныхъ, даже въ присутствіи латинскаго ксендза.

выя, еще болѣе неожиданныя особенности, которыя должны были бы немедленно вызвать самое напряженное вниманіе исправлявшаго должность волковыскаго судебнаго слѣдователя г. Эртеля; но его вниманіе по прежнему обращено была совершенно въ другую сторону и совершенно поглощено было старымъ дѣломъ.

Между тѣмъ свислочскій уединенный столбъ-Гомолицкій поколебался, — поколебался не отъ натиска и прямыхъ ударовъ осаждавшей его арміи, а напротивъ — отъ того, что она отошла отъ него и сосредоточилась у слѣдовательской камеры г. Эртеля, гдѣ одно за другимъ выступали беззаконія Гомолицкаго, гдѣ, между прочимъ, выступилъ союзникъ мнѣе-свой Прасковія Кардашевой Теодоръ Осиповъ Янушкевичъ, совершенно также, какъ Малиновскій, и происходившій отъ православной матери, и давшій подписку, въ 1866 г. и также крестившій въ православной церкви своего сына, однако жаловавшійся, что его насильно присоединили и приобщили, не смотря на его заявленіе, что онъ уже пилъ водку и закусывалъ будкой (л. 111).

Къ началу августа 1873 года г. Эртель закончилъ свое многотрудное слѣдствіе по дѣлу совратившихся въ латинство, причемъ забылъ первоначальную свою задачу, — въ его глазахъ выступалъ уже на первомъ планѣ съ своими беззаконіями священникъ Гомолицкій, такъ что г. Эртель, вопреки первоначальной своей задачѣ, ставилъ его въ своей бумагѣ въ литовскую консисторію, при которой препровождалъ слѣдственное дѣло, прежде совратившихся. Вотъ это замѣчательное доказательство страстности испол-

нявшаго должность судебного слѣдователя волковыскаго уѣзда г. Эртеля: «Препровождая настоящее дѣло имѣю честь покорнѣйше просить духовную консисторію согласно 791 ст. XV т. II ч. опредѣлить роль священника Гомолицкаго, на сколько она выяснена обстоятельствами, собранными въ дѣлѣ, и сказавъ кто изъ лицъ привлеченныхъ къ отвѣтственности долженъ быть православнымъ и кто католикомъ—дѣло возвратитъ ко мнѣ обратно вмѣстѣ съ отзывомъ, въ возможной скорости» (л. 104). Г. Эртелю, вѣроятно, уже представлялся священникъ Гомолицкій въ ближайшемъ будущемъ лишеннымъ сана и отданнымъ, чего добраго, въ руки такихъ же безпристрастныхъ представителей суда, какъ самъ онъ. Но этого не случилось. Поколебавшійся свислочскій столбъ не былъ сокрушенъ, а хотя весьма безцеремонно, но въ сущности съ надлежащей осторожностію и можетъ быть бережно перенесенъ лишь въ другое мѣсто въ сосѣдній — слонимскій уѣздъ (*).

Дѣло Цыдзика и Чмеля, а тѣмъ болѣе другія дѣла однако отъ этого не упростились, а напротивъ еще больше усложнились. На свислочскомъ мѣстѣ Гомолицкаго поставленъ новый священникъ, родомъ изъ внутреннихъ губерній—обладавшій, конечно, весьма важнымъ въ этой страстной борьбѣ качествомъ — спокойнымъ отношеніемъ къ дѣлу, но имѣвній

(*) Священникъ Гомолицкій по требованію генерала Потапова былъ лишенъ свислочскаго прихода, и нѣкоторое время оставался безъ мѣста, даже будто-бы въ запрещеніи, но при первой возможности литовская духовная власть дала ему новое мѣсто, на которомъ онъ никакъ не могъ бы жалѣть о своемъ перемѣщеніи, если бы его занимали одніе матеріальныя выгоды.

при этомъ и весьма существенный недостатокъ—совершенное незнаніе дѣла и неизбѣжное неумѣніе найтись въ своемъ трудномъ положеніи. Недавалось даже никакъ надлежащее разъясненіе православія Цыдзика и Чмеля. Но за разъясненіе его взялся вдругъ новый человекъ, недавній тогда благочинный волховыйскій, Смольскій—старожилъ тѣхъ мѣстностей и старый, опытный наблюдатель подобнаго рода дѣлъ. Онъ поѣхалъ въ Свислочь и при первомъ прикосновеніи къ дѣлу Цыдзика и Чмеля открылъ совершенно неожиданныя особенности. Въ присутствіи свидѣтелей Цыдзикъ и Чмель показали, что никакого прошенія не писали, что прошеніе отъ ихъ имени—подложное прошеніе, причемъ они прямодушно раскрыли любопытную исторію и стараго ихъ прошенія (5-го октября 1871 г.), когда они были поставлены рядомъ съ мнѣической Прасковіей Кардашевой, именно: Цыдзикъ заявилъ, что то прошеніе писалъ имъ незнакомый ему свислочскій еврей, а Чмель еще болѣе подрывалъ достовѣрность этого прошенія, заявивъ, что и на то прошеніе онъ не давалъ своего полномочія, что объ этомъ хлопоталъ Цыдзикъ (л. 130 и 131).

Открытіе это пошло въ ходъ, стали разъяснять его, — впрочемъ не г. Эртель, а полицейскія власти, и наткнулись опять на неожиданность. Тоже при свидѣтеляхъ эти крестьяне показали, что прошеніе отъ 1-го мая 1872 г. не они писали, — писалъ имъ одинъ незнакомый имъ жидъ. Благочинный Смольскій опять поѣхалъ въ Свислочь, и выплыли снова новыя открытія. Цыдзикъ и Чмель тоже при свидѣтеляхъ показали, что въ дѣйствительности дѣло было такъ: незнакомый имъ

жидъ въ корчмѣ такого-то жидѣ (названъ) написалъ имъ это прошеніе отъ 1-го мая 1872 г., но не хотѣлъ подписаться самъ, а представилъ 15-ти-лѣтняго мальчиѣ, который подписался. Это-то прошеніе они и посылали черезъ волостнаго разсылнаго, которому вручили пять копѣекъ, но это было опять таки другое прошеніе, а не то, которое теперь разъясняется и подписано Обуховскимъ (л. 135). Стала развязываться эта путаница и съ другой стороны. Священникъ русской церкви, получивъ подписки Цыдзика и Чмеля, увидѣлъ, что на нихъ дѣйствительно его рука и вспомнилъ, что дѣйствительно они давали эти подписки и были даже имъ исповѣданы, но на утро отпущены мировымъ посредникомъ Львовымъ, который объяснилъ священнику, что они не отказываются отъ православія и могутъ приобщиться и въ Свислочи. По этому-то объ нихъ и нѣтъ другихъ документовъ въ русской церкви (л. 132).

По новому полицейскому дознанію крестьяне Цыдзикъ и Чмель упростили дѣло тѣмъ, что сознали невѣрность своихъ показаній благочинному Смольскому и объяснили эту невѣрность тѣмъ, что боялись подвергнуть ответственности подписавшаго ихъ прошеніе отъ 1-го мая 1872 г. мальчика (л. 138—139). Но можетъ быть этимъ простымъ людямъ приходилось бояться еще болѣе за кого либо другаго. Въ одномъ показаніи Томолицкаго нехорошо намѣченъ одинъ отставной капитанъ русскихъ войскъ, для котораго разслѣдованіе о прошеніи Цыдзика и Чмеля могло быть весьма и весьма не безразличнымъ, такъ какъ оно могло повести къ открытію въ его лицѣ автора этого прошенія и притомъ такого автора,

который показалъ совѣсть не русскую храбрость, скрытъ себя, а выставилъ на позоръ родное дитя.

Вотъ въ это-то время (было это уже въ 1876 г.) снова обратились (это уже въ третій разъ) къ Гомолицкому на новомъ его мѣстѣ и тогда то онъ, давъ нѣсколько фактическихъ данныхъ, какъ бы со стономъ человѣка, которому нѣтъ нигдѣ успокоенія, выразился: «давность времени и обстоятельства все унесли изъ моей памяти», и снова воскликнулъ: «такое воодушевленіе и восторгъ вообще тогда проявлялся было въ народѣ» (л. 127 на оборотѣ)!

Оба эти, повидимому случайные эпизоды въ шумной исторіи Осипа Ивановича Малиновскаго въ дѣйствительности имѣли важное, тѣсно съ нею связанное значеніе. Вмѣстѣ съ нею они выражали одинъ и тотъ-же принципъ — запутать, елико возможно больше, все это дѣло.

Въ то время, какъ происходили эти, какъ будто побочные эпизоды, работалъ сильно весь родъ Малиновскихъ. Случайно или нѣтъ въ этомъ родѣ то и дѣло поднимался животрепещущій семейный интересъ — нужда крестить дѣтей и особенно нужда вѣнчать свадьбы. Жалобы на беззаконныя затрудненія этимъ важнымъ интересамъ посылались и въ Вильну и въ Петербургъ и даже въ комиссію у принятія прошеній га Высочайшее ния (лл. 45, 68, 100, 119, 120, 152 и 156). Когда всѣ эти жалобы собрались въ литовской духовной консисторіи, то обнаружилась странность. Не только оказалось очень ужъ много Малиновскихъ, но и въ числѣ ихъ такіе, которые дѣйствительно всегда принадлежали къ латинской церкви. Опять выступилъ благочинный Смольскій

и, кажется, даже не сознавая всей важности своего новаго открытія, заявилъ, что въ Свислочи есть два Осипа Малиновскихъ,—одинъ (нашъ знакомый) Осипъ Ивановичъ Малиновскій, другой Осипъ Михайловичъ Малиновскій, не подлежавшій никакому запросу, какъ неоспоримый латинянинъ (л. 151) (*). Въ прошеніяхъ дѣти того и другого—все Осиповичи—смѣшаны и есть указаніе на то, что тревожили по вопросу о православіи и Осипа Михайловича Малиновскаго, неизвѣстно, одни-ли чужіе для него—православные, или въ дѣйствительности свои — латиняне коварно подняли его на ноги (лл. 151 и 154). Скептики могли бы даже теперь задаться вопросомъ: какой реальный Малиновскій былъ въ сенатѣ, былъ защищаемъ г. Спасовичемъ и клялся передъ гг. сенаторами, что никогда не принималъ православія, — дѣйствительно-ли Осипъ Ивановичъ, или, чего добраго, Осипъ Михайловичъ Малиновскій?!

Въ этомъ невообразимомъ хаосѣ, въ которомъ яснѣе всего мелькали и очерчивались страсти и страсти, литовская духовная консисторія разобралась еще въ 1873 г. и разобралась съ такимъ спокойствіемъ, достоинствомъ и даже гуманностію, что, безъ сомнѣнія, прославлена была бы на весь русскій міръ, еслибы въ этомъ мірѣ тоже не было хаоса и еслибы въ

(*) Въ разъясненіяхъ этихъ по предписанію благочиннаго принималъ участіе новый свислочскій священникъ, но его разъясненія таковы, что убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываютъ, какъ трудно новымъ людямъ справляться съ западно-русскими дѣлами. Въ одномъ изъ этихъ поясненій выступаетъ съ авторитетомъ свидѣтелей цѣлая серія крестьянъ, давно обозначившихся, какъ орудіе латино-польскихъ интригъ (л. 154—155).

немъ тоже не обозначались застарѣлыя страсти и предубѣжденія. Литовская духовная консисторія не могла измѣнять законовъ русскаго государства, и потому, когда увидѣла необходимость, оперлась на нихъ и заявила, что происходящiе отъ неоспоримо православныхъ родителей должны принадлежать православной церкви. Что же касается добровольно присоединившихся къ православію, подпискамъ которыхъ она прежде давала такое значеніе, какъ удостовѣренію добровольнаго присоединенія, то теперь, когда на каждомъ шагѣ возникало сомнѣніе, имѣли ли онѣ такое значеніе, литовская консисторія стала выше своего самолюбія, выше своего, даже основательнаго предубѣжденія противъ г. Эртеля, и постановила, что только тѣ изъ давшихъ подписки на православіе должны быть православными, которые послѣ этихъ подписокъ дѣйствительно присоединены къ православію, муромазаны, приобщены и внесены въ метрическія книги (л. 111—115). Въ рѣшеніи литовской духовной консисторіи есть даже такія доказательства гуманныхъ воззрѣній, которыя могутъ показаться совершенно новыми для тѣхъ, кто привыкъ думать, что у насъ заботятся лишь объ одной формальной принадлежности къ православной церкви. Такъ, между прочимъ, въ этомъ постановленіи есть такой фактъ, что предоставляется на волю крестить въ православной вѣрѣ или латинской дочь умершаго крестьянина Петрашевича, который неоспоримо присоединился къ православію, предоставляется это на волю потому, что въ домѣ Петрашевича никого нѣтъ православнаго, т. е. некому было воспитать дитя въ православіи и безжалостно было бы оставлять его въ православіи среди

иновѣрцевъ, нерасположенныхъ въ этой вѣрѣ (л. 114 на оборотѣ).

Можно съ различныхъ точекъ зрѣнія оцѣнивать существующіе у насъ порядки для охраны нашей вѣры; но едвали кто можетъ оспорить, что въ данной нашей исторіи русской дѣйствительной жизни литовская духовная консисторія поступила и законно и гуманно. Сила этого рѣшенія литовской духовной консисторіи, безъ сомнѣнія, была понята и признана и гродненскою уголовною палатой, отказавшею всѣмъ подобнымъ просятелямъ, въ томъ числѣ и Осипу Ивановичу Малиновскому.

Но въ великому нашему изумленію это ясное, законное дѣло совсѣмъ иначе представляется въ Петербургѣ. Мы уже не будемъ вторично останавливаться на томъ, что г. Спасовичъ, столь опытный и столь извѣстный защитникъ, какимъ бы то ни было образомъ, упустилъ изъ виду существенную, ясную, какъ день, особенность дѣла Малиновскаго, — борьбу, страстность обѣихъ здѣсь сторонъ, православной и латинской, и такъ смѣло закрывая грѣхи одной стороны — латинской, такъ невоздержно обличалъ въ беззаконіяхъ другую — православную сторону. Въ настоящій разъ насъ занимаетъ болѣе важный вопросъ. Мы никакъ не можемъ понять, какимъ это образомъ могло случиться, что *русскій присяжный повѣренный*, повторяемъ, столь опытный и столь извѣстный русскій присяжный повѣренный, обязанный знать русскіе законы, игнорировалъ передъ высшими нашими судьями законъ русскаго государства касательно дѣтей отъ смѣшаннаго брака, въ числу которыхъ принадлежитъ Осипъ Ивановичъ Ма-

линовскій? Но, что еще важнѣе, если вѣрить достовѣрности маленькой, но весьма важной прибавкѣ къ рѣчи г. Спасовича, напечатанной въ газетѣ «Голосъ», то окажется, что игнорированіе дѣйствующаго русскаго закона шло дальше. Въ этой коротенькой прибавкѣ говорится, что г. первоприсутствующій сенаторъ спрашивалъ Малиновскаго, давалъ ли онъ подписку, на что Малиновскій отвѣтилъ не только отрицаніемъ, но даже побоялся, что не давалъ. Если вѣрить, что такъ дѣйствительно было дѣло въ сенатѣ, что только этотъ вопросъ предложенъ былъ Малиновскому, а прежде этого вопроса не предлагался никакой другой, то необходимо было бы думать, что и гг. сенаторы какимъ то образомъ введены были въ заблужденіе касательно дѣла Малиновскаго и не знали, что онъ происходитъ отъ смѣшаннаго брака, иначе они его непременно спросили бы прежде о томъ, знаетъ ли онъ, что происходитъ отъ православной матери, хотя бы то числившейся когда то уніяткой? Тогда бы сообщенный газетой «Голосомъ» вопросъ не имѣлъ уже по нашимъ законамъ мѣста, а если нашелъ бы себѣ мѣсто въ виду высшихъ принциповъ гуманности, то не иначе, какъ второстепенное мѣсто и во всякомъ случаѣ второе по порядку этихъ вопросовъ. Въ томъ же видѣ, какъ это дѣло передано въ «Голосѣ» и разошлось по Россіи, т. е. что предложенъ былъ только второстепенный, второй вопросъ, какъ единственный, имѣющій мѣсто, многимъ, знающимъ происхождение Малиновскаго отъ смѣшаннаго брака, могло казаться, что не только г. Спасовичъ, но будто бы и наши первѣйшіе охранители законовъ русскаго государства колеблуть ихъ

авторитетъ, да еще въ глазахъ жителей такой русской области, въ которой столько разъ приходилось силою оружія возстановлять русскіе законы и тратить столько русской крови, русскаго труда и русскихъ денегъ!

Послѣ всего этого намъ вѣроятно позволительно будетъ повторить выраженіе, которое мы употребили въ концѣ нашего возраженія «Церковно Общественному Вѣстнику» по поводу его сужденій о дѣлѣ Малиновскаго: *«не такъ легко нужно судить дѣла и людей западной Россіи»!*

М. Кояловичъ.

